

Встречи с литературными героями

По следам Шерлока Холмса

Шерлока Холмса слишком много действуют, но не думают, а именно к этому призывал обитатель Бейкер-стрит. На каждой странице детектива сейчас кровь и насилие, причем насилие и надругательство стараются подать как можно изощреннее. Такой подход только развивает у молодежи нездоровый интерес к убийствам, а потом мы сами удивляемся, почему это внук-подросток убил бабушку, жена — мужа. Потерянные жизни, поломанные судьбы... Вам не кажется, что сэр Артур первым во весь голос заговорил об унижающих человеческое достоинство судебных ошибках, о том, как казенный, ленивый, неповоротливый ум следователя может исковеркать судьбу человека. В убежденности — ни один невиновный не должен быть наказан — весь сэр Артур. Он сам принимал участие в процессах и доказывал лживость непродуманных обвинений. Да и в технике письма у него замечательные находки: посмотрите, как он ненавязчиво выводит детали, намекает читателю, кто же истинный виновник, но читатель, не желающий применять его дедуктивный метод, так и не догадывается.

Впрочем, Конан Дойлу не повезло: его литературный герой стал предметом подделок. С начала XX века калтурщики запустили своего Шерлока Холмса. Тот стрелял, убивал, прыгал через пропасть... И одни названия чего стоят: «Павильон крови», «Заговор негров», «Кровавый талисман». Тогда и появилось: «Элементарно, мой друг Ватсон», — этих слов никогда не произносил Шерлок Холмс. Впрочем, и сейчас эта напасть не закончилась, представляет, вышел фильм «Шерлок Холмс в Нью-Йорке» (он ведь никогда не бывал в США), где роль сыщика играет Роджер Мур, снявшийся в перерывах в шпионской серии о Джеймсе Бонде, — так закончила свой рассказ Анна Конан Дойл.

В. КУЗНЕЦОВ,
соб. корр. «Известий»
ЖЕНЕВА.

ТРИНАДЦАТЬ выщербленных ступенек вниз — под каменный свод, и вы попадаете... на второй этаж квартиры Шерлока Холмса, какой она была на Бейкер-стрит, 221-б, в Лондоне. Этот мемориальный музей знаменитого сыщика уютится в подземелье старинного замка Люсан. Замок когда-то принадлежал сыну писателя Конан Дойла, но в 1970 году был продан торговой фирме «Кёллер». Старинная мебель и гобелены, которыми торгуют оптовые коммерсанты из Цюриха, вытеснили лондонского детектива в подвал...

Нажав кнопку и надев наушники, слышишь вкрадчивый, записанный на пленку голос. Он педантично рассказывает о холостяцкой квартире Шерлока Холмса. «Уголок химии, где стоит сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот, на полке — огромные альбомы газетных вырезок, футляр со скрипкой и макет, изображающий Холмса в «Пустом доме», трубки на полке...»

— Когда я спускаюсь сюда, — рассказывает смотритель замка Гастон Берхтен, — меня охватывает чувство сопричастности к событиям прошлого века: как будто я вместе с доктором Ватсоном сижу в кресле, слушаю ядовитые выговоры детектива, сетующего на нашу невнимательность, дескать, вы больше смотрите, но не наблюдаете. Вспомните, как сыщик укорял своего друга, что тот не знает, сколько ступенек на лестнице в доме. После этого я специально считал, сколько же ступенек у входа в музей. Вы, конечно, улыбаются Берхтен, — не обратили внимания на это? Вы не исключение, ведь мало кто до конца усвоил дедуктивный метод Холмса, применяет логику в повседневной жизни.

Мы хотели также, — продол-

жает он, — рассказать и о создателе Холмса Артуре Конан Дойле. Вот здесь, на стенде под стеклом, — несколько его писем к матери, ласковых, заботливых. Она очень беспокоилась, когда задерживалась очередная серия походов Шерлока Холмса. Мы хотели сохранить и сущность характера писателя — его уважение к людям, к Человечеству, к жизни, к ступенькам социальной лестницы, на которой он стоит.

Вполне естественно, что писателя окружают, как говорят криминалисты, вещественные доказательства — гарпун из рассказа «Черный Питер», деревянная трость со следами крови, зуб из конюшни «Собаки Баскервиль», парик из «Союза рыжих», а вот и бриллиант из «Шести Наполеонов»... Полицейский потайной фонарь, точно такой, какой был в «Этюде в багровых тонах», — в первом рассказе, открывшем детективную серию. Кстати, в музее есть и прижизненный экземпляр

издания. Свой «Этюд» Конан Дойл, начинающий медик, писал быстрее, чем пристраивал в печать. Два месяца он искал издателя, два месяца — для публикации рассказа, 100-летие которого отмечается повсюду. Действительно, неисповедимы пути редакторов...

— Лично мне нравится вот этот щемящий сердце рисунок, сделанный рукой Конан Дойла в 1930 году, незадолго до смерти, — показывает на стену Берхтен, где в рамочке под стеклом — старая лошадь с нагруженной кирпичами телегой. На каждом — надпись о различных событиях в жизни писателя. Здесь скитания корабельным медиком в Ледовитом океане и поездки в Южную Африку, рассказы о Шерлоке Холмсе и исторические повести. Одинадцать рядов таких кирпичиков лошадь («это я», — уточнял Конан Дойл) едва-едва тянет. Вслушайтесь, какой оптимизм и одновременно ирония над собой

звучат в его приписке: «Давно уже старая лошадь везет этот перегруженный воз. Но если ее хорошо накормить, поставить на шесть недель в стойло без работы и на шесть месяцев выпустить на свежую травку, лошадка снова затрусит по дороге». Я часто задумываюсь над судьбой Конан Дойла. Отец — художник, нужда в семье, молодой Артур уезжает в Германию, учится, сам содержал себя, не чурался никакой работы. Вроде бы — хрестоматийный пример — человек достиг всего сам. Но посмотрите какой ценой. Окончил медицинский факультет, но сильно подорвал здоровье — в 26 лет страшное нервное переутомление. И только сила воли, спорт, здоровый образ жизни помогли ему восстановить себя. И все же нередко он жаловался впоследствии, что не может ничего писать, — так расплачивался здоровьем за жизненный успех.

— А вы могли бы встретиться с невесткой писателя, — заканчивает беседу Г. Берхтен. — Анна Конан Дойл живет так же, как и вы, в Женеве.

...Подтянутая пожилая женщина открывает дверь. Улыбаясь, она делает приглашающий жест рукой, и вот я сижу в уютной гостиной. Кругом книги.

— Знаете, — говорит она, — сэр Артур не любил писать, для него это было нечто вроде побочного заработка. Сколько писателей так работают! И сэр Артур, — она сделала извиняющий жест рукой, — что греха таить, поступал так же. Вспомните его письма к матери, — Анна Конан Дойл, не вставая, протягивает руку к полке и достает томик: «Мы осматривали замечательный водопад Райхенбах, ужасное место, как раз такое, где можно достойно похоронить Шерлока Холмса. Даже

если должен пострадать мой счет в банке!» Это писал он в мае 1891 года, а через два года: «Итак, прощай и надолго, Шерлок Холмс... Я занят последним его рассказом, после чего «джентльмен» уже больше не появится. Я устал от его имени». Кажется, что свою нелюбовь к литературному творчеству он перенес и на главного героя, принесшего ему мировую известность.

— Шерлока Холмса, — продолжает она, аккуратно поставив томик на место, — сэр Артур убивал еще дважды: в 1917 году, но читатели снова заставили его воскресить, и в 1927 году — уже окончательно. Думаю, что в творчестве не так все однозначно, не все просто. А может быть, сэр Артур напрасно отказывался от Шерлока Холмса? Может быть, в этом его судьба? Мне рассказывали, что ваш Эйзенштейн стремился поставить когда-нибудь комедию. Но, может быть, и хорошо, что Эйзенштейн так и не поставил ее, а Шерлок Холмс выжил? Нельзя командовать творчеством, лучше слушать зов души. Кстати, сэр Артур — и об этом он пишет в своих мемуарах — особенно внимательно относился к откликам из России. Он отдавал письма в перевод, они трогали его глубиной мысли, любовью к его творчеству. Я была в Советском Союзе, какая прекрасная страна! Знаю, знаю, — она шуточно замахала рукой, — у вас любят Конан Дойла, переводят его, и не только Шерлока Холмса... «Затерянный мир», «Отравленный посяс»... Москва, Киев, Ленинград, я там была, Ленинград великолепен! Это правда.

— Нет, я НЕ ЛЮБЛЮ нынешние детективные «стори», как сказал бы сэр Артур, — продолжала моя собеседница. — Теперешние приемники